

Во всём городе никто не готовил кофе вкуснее, чем бабушка Сирануш. И все городские гурманы знали узкий и длинный переулок, в котором расположилась уютная кофейня Григория. Он ещё в прежние времена был заведующим кафетерием, а потом, когда провозгласили свободу предпринимательства, одним из первых преобразовал учреждение общепита в кооператив. И бабушка Сирануш работала у него очень давно.

Переулок был настолько длинным и узким, что напоминал трубу, и по этой трубе стелился и вытекал кофейный аромат, завлекая в кофейню посетителей.

— Григор, — спросил как-то у хозяина уж очень любопытный гость, — зачем ты ютишься в тупике? Зачем не переносишь кафе ближе к центру? Отбоя от посетителей не будет.

Григорий раскурил трубку, коротко ответил:

— Не хочу.

Потом помолчал, попыхивая трубкой, затянулся и, выпуская дым и одновременно наставив на собеседника мундштук трубки, продолжил:

— Сам подумай: в центре будет много народа, так? Так. Значит, надо будет делать всё быстро-быстро, чтобы успеть. Будет тогда у Сирануш хороший кофе? Нет! А что будет? Бурда! Люди будут спешить, толкаться. Кому нужна такая кофейня? Мне не нужна. Я хочу, чтобы было тихо, чтобы люди играли в нарды, беседовали. Разве в центре, где шумно и много машин, может получиться хорошая беседа?

Наверное, плохо собеседник знал Григория, если продолжал настаивать, приводить доводы. Григорий молчал, изредка выпускал трубочный дым, просматривал счета, квитанции. Потом, взглянув на собеседника так, как смотрят на ребёнка, который никак не может чего-то понять, Григорий выложил свой последний аргумент:

— А Сирануш? Как она со своими ногами опухшими будет добираться до центра? А здесь она живёт через дорогу. Без Сирануш зачем мне кофейня? Думай, да, что говоришь.

Григорий замолчал и так выразительно посмотрел на собеседника, что не только он, но и никто больше не приставал к Григорию с расспросами и нелепыми предложениями.

Зато женщины одолевали саму Сирануш, просили поделиться секретом своего кофе. Сирануш махала рукой, смущённо отворачивалась, улыбалась:

– Какой секрет, э?.. Просто всё.

Она действительно ничего не скрывала: берёт медные, обязательно медные турки и обязательно маленькие – на одну чашку – ставит их не на огонь, а в ящик с песком; сам же ящик размещает на раскаленных углях... Но как ни пытались женщины повторить всё за Сирануш, ничего у них не получалось. Кто-то оставил затею, кто-то продолжал экспериментировать, пока одна из них не обронила:

– Дело в руке! У Сирануш рука такая.

Этот аргумент подействовал – и женщины успокоились.

Аромат кофе бабушки Сирануш ещё собирали мужчин в кофейне, но разговоры их становились всё тревожнее – война уже подступала. И вдруг явилась с короткой фразой, сказанной малознакомым юношей, вбежавшим в кофейню Григория:

– Баграти убили!

Баграти знали многие, он ушёл одним из первых. Говорили, что сражается он в армянском отряде, что армяне Сухума организовали свой отряд и сражаются с грузинами на стороне абхазов. После этого ушли сын Григория и Акоп – зять бабушки Сирануш.

А дочь Акопа – Ирма окончила в том же году школу, и Сирануш подарила внучке золотой кулон в форме кизила на золотой цепочке. Не в магазине купленный, а доставшийся ей в подарок от свекрови. А той достался от её свекрови. Так и переходил он в роду от свекрови к старшей невестке. Теперь же Сирануш дарила его внучке. Ирма сначала даже испугалась:

– Бабушка, нельзя же мне! Невестке положено дарить.

Сирануш горько усмехнулась:

– А разве есть у меня невестка? Не дал Господь сына, вот и невестки нет. И даже внука нет, чьей жене могла бы подарить. Так что бери, детка. Значит, так надо.

Вечером же на домашнем совете решали где девушке учиться дальше.

– Я скажу, только вы плохо не подумайте, – начала, Седа, тётка Ирмы, – уезжать отсюда нашей девочке надо.

– Вай, Седа, что говоришь? Как уезжать? Куда уезжать?

– Надо уезжать. Что её здесь ждёт? Война надолго. Работы скоро не будет ни у кого. Мне муж сказал.

– А куда, куда она поедет? Мы никого не знаем, – чуть не причитала мать.

– Сиди спокойно, – вдруг сказала Сирануш и, опираясь на стол, тяжело поднялась. Шаркая, вышла в свою комнату, а вернулась с листком бумаги в руках.

– Вот, – положила она листок на стол и обеими руками разгладила его. – Адрес.

– Какой адрес? О чём ты говоришь?

– Учительница из России приезжала. Помните? Говорила, что в педуниверситете работает.

И все вспомнили. Несколько лет назад, когда не только войны не было, но и сирануш собирались за одним столом абхазы, армяне, грузины, привела Сирануш в дом русскую женщину. Прямо из кафетерия привела. Женщина зашла выпить кофе, села за столик. И тут же к ней подлетел Котэ – известный бабник. Уж как он увивался! Что только ни говорил! Сирануш видела, что женщине это неприятно, что она порывается уйти, да Котэ не отпускает – чуть не хватает за руки. А тут ещё Рудик подсел – не меньший бездельник и бабник. Женщина чуть не плакала. И тогда Сирануш громко, чтобы все в кафе слышали, сказала:

– Эй, бездельники! Постыдись своего отца, Котэ! И ты, Рудик, память отца не оскверняй. Что к человеку пристали?! Она со мной, это моя гостья! Идите себе.

Парни вскочили, смущаясь, двинулись к выходу:

– Извините, уважаемая.

И исчезли так же быстро, как появились. А Сирануш подошла к гостью:

– Напрасно ты, дочка, одна ходишь. У этих оборванцев ведь как; если женщина одна, без мужчины, значит, приставать можно. Не ходят у нас женщины, а особенно девушки, по кафе одни.

Гостья недоумевала. Ведь ещё три дня назад случайно оказалась она за большим столом с незнакомыми людьми, и там всё было хорошо, а сама она внезапно стала за столом уважаемым человеком. Сначала ей, как гостью, предложили сказать тост. Хитро улыбались, когда предложили – проверить, наверное, хотели, как выкрутится женщина. А она встала, подняла бокал и прочитала:

Сладость нальёшь –
Радость найдёшь.
Пей на здоровье!¹

Тост в стихах! Это же высшее мастерство! А мужчины зашептали: «Она знает стихи Николоза». Попросили прочитать ещё. Она прочитала:

Пусть будет зима холодна,
Пусть галок морозит она,
Коль бродит вино в голове –
Суровость зимы не страшна!²

И опять удивились за столом, ведь это был уже не Бараташили, а Чавчавадзе. Александр. Гостью наперебой стали просить читать стихи. Она читала ещё: и грузина Чиковани, и армянина Чаренца, и абхаза Гулиа. Уважаемым человеком стала тогда женщина из уральского города, почему же сейчас так?

- А скажи, дорогая, – поинтересовалась Сирануш, – как ты оказалась за тем столом?
- Пришла вместе со своим доктором и его женой.
- Вот видишь, детка, не одна ты была. Не самозванкой села. Да и люди там, наверное, собрались приличные. Не то, что наши сорванцы. Хотя они неплохие ребята. Но у нас ведь как? Пусть рядом хромой, горбатый, но мужчина – пальцем женщину не тронут, а одна... Одной, джаникыс³, лучше неходить.

В тот вечер Сирануш не отпустила гостью в санаторий, оставила ночевать у себя. Они долго сидели на кухне, и Ольга рассказала, что преподает она в педучилище и что, если Ирма захочет, пусть приезжает к ним поступать. О ней и вспомнила сейчас Сирануш.

- Вот туда пускай и едет, – заявила она
- Там же холодно. Как наша девочка будет там? – ещё пыталась робко сопротивляться мать Ирмы.
- Кто её там защитит?
- А здесь кто? Братьев нет, отец воюет. Пусть едет, – поставила точку в споре Сирануш.
- Ирма, детка моя, напиши учительнице письмо, – передала она внучке листок с адресом. Сказала так, что всем стало ясно: домашний совет закрыт.

Ольге Сергеевне Ирма писать не решилась, а написала в училище, тогда ещё не называвшее себя колледжем. И вскоре пришёл в Сухум ответ: Ирма Акоповна Мхитарян может приезжать и сдавать вступительные экзамены; место в общежитии предоставляется.

Пред самым отъездом Ирма решила оставить кулон – подарок бабушки – дома: мало ли что случится, но Сирануш настояла:

- Возьми, внучка, возьми. И всегда носи на себе. Весь наш род тебя оберегать будет.

2

Лето в тот год и на Урале выдалось жарким, и Ирма, выйдя из поезда, даже удивилась: и что пугали? Жарко, как у нас в Абхазии. Документы в училище приняли у неё быстро, место в общежитии предоставили. Что было делать? И Ирма стала изучать все висевшие на стене объявления и списки. Дошла до списка членов приёмной комиссии и не нашла в нём фамилии Ольги Сергеевны. Но не расстроилась, а даже обрадовалась немного. Себе Ирма старалась не признаваться, но побаивалась она встречи с Ольгой Сергеевной: узнает ли она Ирму, а, если и узнает, как встретит? Ведь одно дело пригласить в гости за дружеской беседой, и совсем другое – встретиться в реальности. А когда нет человека, то и вопросов нет. И снова подумала Ирма, что очень жарко на улице. Совсем, как дома.

Жара и впрямь стояла невыносимая. Уже несколько дней. Ольге Сергеевне казалось, что воздух застыл. Хотя, нет, слово «застыл» применительно к жаре не подходит, подумала она. Лучше сказать, что раскалённый воздух расплавился и стекает теперь осозаемой прозрачной массой. Сквозь эту массу приходится идти людям – и ни дуновения. Да и не спас бы ветер. От него, если он дул с востока, было даже хуже. На востоке горели леса, и ветер приносил запах гари. Едкий воздух забирался

¹ Н. Бараташили «Надпись на азарпеше князя Баратаева» (пер. Б. Пастернака)

² А Чавчавадзе «Мухамбази» (пер. И. Тхоржевского)

³ Душенька моя (арм.)

в ноздри, лёгкие, в горле першило. Сегодня, правда, дул слабый северный ветерок, но в квартире по-прежнему было душно, открытые настежь окна не спасали. Скинуть бы с себя всю одежду и шлёпать по комнатам голышом! Да вот беда – квартира на первом этаже. И не любила Ольга Сергеевна оголяться, даже в уединении. Наконец, она решительно пошла в ванную, взяла старую, истончившуюся уже простыню, смочила её и мокрой прикрепила на раскрытое окно. Так, она помнила, делали женщины на юге. Такая прстыня быстро высыхала, и её приходилось сбрызгивать водой из пульверизатора, но зато снова, пусть ненадолго, устанавливалась приятная прохлада.

На письменном столе лежали фотографии – выпускники Ольги Сергеевны разных лет. Где они сейчас? Узнала бы их, если бы встретила? Вряд ли… Она знала наизусть огромное количество стихов, помнила большие прозаические отрывки, читала их хорошо, даже вела кружок художественного чтения. Но лица… Лица Ольга Сергеевна запоминала плохо. Пока ежедневно общалась с коллегами и студентами, конечно, не забывала, но даже небольшая разлука словно вычёркивала из памяти зрительные образы. Вот и могла пройти мимо человека, не узнав его, не ответив на его приветствие. И кто-то считал Ольгу Сергеевну заносчивой, высокомерной. А она просто не помнила…

Жарко. Прстыня на окне снова высохла, и вновь пришлось смачивать её, но всё равно Ольге Сергеевне было хорошо. Смогла она в этом году отвертеться от работы в приёмной комиссии. Ох, как не любила она эти экзамены, защиты, выпуски! Особенно приёмные экзамены. Не было ведь года, чтобы кто-то не замолвил словечко за кого-то из абитуриентов. Как же тягостно было Ольге Сергеевне от этого! Ей не хотелось ссориться с коллегами, но она всё же отказывала. Повторяя слова своего дяди – профессора университета: «Умные поступят сами, а дураки нам не нужны». Коллеги злились на неуступчивость Ольги Сергеевны, а однажды пожилая уже преподавательница прямо сказала:

– Что вы, в самом деле, Ольга Сергеевна, такая принципиальная?! Не принципиальность это, милочка, а упрямство какое-то. Вы и впрямь думаете, что они всё делают самостоятельно? Везде и всегда подправляют педагоги. В средней школе у педагогов, когда они проверяют сочинения экзаменационные, по несколько ручек разного оттенка – где запятую поставят, где буковку исправят. Это же система!

Ольга Сергеевна потупилась, сказала почти шёпотом:

– Может, и система. Но я не могу так поступать. Уж извините. И – знаете? – в одной хорошей книге сказано: «На преступление не идите никогда, против кого бы оно ни было направлено».

Сказала и резко взглянула на коллегу. Та заметно смущилась.

Словом, досадовали коллеги на Ольгу Сергеевну, но и уважали принципиального педагога. Да и где бы нашли они ещё одного такого феноменально грамотного человека, наделённого к тому же невероятной зоркостью – ни одна самая маленькая описка не могла проскочить мимо. А сама Ольга Сергеевна каждый раз едва не болела в эти летние экзаменационные дни. И вот повезло – она свободна. Может хоть на Каму отправиться, хоть лечь дома под вентилятором и читать. Как давно она не читала просто так, для себя. Не при подготовке к уроку, не для того, чтобы к сочинению студенток подготовить, а для души.

Ольга Сергеевна по-своему выбирала книги для чтения, точнее, для перечитывания. Она становилась перед книжными полками и тихонько проводила кончиками пальцев по корешкам книг. В какой-то момент она чувствовала, что между книгой на полке и её внутренним состоянием устанавливается еле ощутимая энергетическая связь. Ту книгу, на которой эта связь улавливалась, Ольга Сергеевна и снимала с полки. Сейчас, пробегая кончиками пальцев по корешкам, она остановилась на шеститомнике в красивом белом переплётё с коричневым прямоугольником на корешке. Бунин. Она уже достала, было, четвёртый том – поздние рассказы, но передумала и взяла стоявшую рядом книгу в коленкоровом переплётё болотистого цвета.

Книга вышла недавно. Сперва запретная прежде повесть появилась в толстом журнале. Тогда журналы разом стали публиковать доселе недоступное. Выписывать все журналы одной было на-кладно. Тогда преподаватели в училище договорились, что каждый из них выпишет по какому-то одному журналу, и пойдут потом журналы по кругу, чтобы каждый мог прочитать всё. С нетерпением ждала Ольга Сергеевна, когда повесть дойдёт до неё. А тут зашла в книжный – и обомлела: стопка новеньких книг на прилавке, и народу лишь два человека, видно, только поступили книги в продажу. Конечно, сразу схватила и шла домой, прижимая долгожданный том к груди. Случайно гля-

нуга на своё отражение в витрине и чуть не рассмеялась сама над собой: на лице сидела счастливая и в то же время глупая улыбка человека, получившего, наконец, то, о чём мечтал. Купить-то книгу купила, но прочитать никак не получалось: конец учебного года отнимал всё свободное время.

И вот, кажется, сейчас можно спокойно почитать. Предвкушая сладостные минуты, она разместились в кресле. Впрочем, эта встреча с повестью была уже второй: когда-то к ней попала самиздатовская копия, которую надо было прочитать за ночь. Тогда проглотила, но чувствовала, что многое упустила. А вот теперь... Она не просто читала, она слышала звуки прозы: «У-у-у-у-гу-гу-гу! О, гляньте на меня, я погибаю. Вьюга в подворотне рвёт мне...». Телефонный звонок ворвался резко и так неожиданно, что сердце учащённо забилось. Звонили из училища:

— Ольга Сергеевна, выручайте! Некому читать диктант. Ирина Петровна умудрилась простыть в такую жару, перекупалась, видно, в Каме. Горло заложило — слова сказать не может. Приезжайте. Мы за вами такси выслали.

Что оставалось делать? Ольга Сергеевна чертыхнулась и стала собираться.

3

Такси уже ждало у подъезда, ехали быстро, но всё равно к началу экзамена Ольга Сергеевна едва не опоздала. Перед дверью аудитории отдохнула, вошла. Комиссия уже сидела за столом. Ольга Сергеевна, подходя к столу, привычно окинула взглядом аудиторию — сплошь светловолосые и рыжие девичьи головки готовы склониться над листами бумаги. И вдруг зацепился взгляд за девушку: тёмноволосая с характерными чертами лица — явно гостья с Кавказа. Ольга Сергеевна шёпотом поинтересовалась у коллег:

— Откуда это гостья у нас за второй партой — не с Кавказа ли?

— Дальше. Кажется, из Абхазии, — так же шёпотом ответили ей. — Какая-то армянская фамилия. Ох, вырвалась девчонка. Тяжко там сейчас, поди. Воюют ведь.

«Воюют». Ольга Сергеевна и сама прекрасно знала, следила за новостями. И болью отзывались в ней и любимая Грузия, и не менее любимая Абхазия. И тут её словно жаром обдало: нельзя девчонке не поступить, нельзя назад; назад — это под пули и взрывы. И тогда же решила, что поможет девушке. Ещё не знает как, но поможет.

Решение пришло само собой. Она проходила между рядами парт, диктуя текст, и по многолетней привычке смотрела в листы — успевают ли записывать. Ага, вот она, ошибка — запятую пропустила! Кто это такой невнимательный? Так и есть — закавказская гостья. Ольга Сергеевна встала спиной к комиссии, прикрыла собой девушку и пальцем быстро ткнула в то место, где была ошибка: исправляй! Девушка поняла, тут же поставила запятую. Но эта подсказка не ускользнула от соседки по парте. Значит, ей тоже надо помочь, ткнула и в её листок. А потом и другим по мере надобности помогала, чтобы никто ни в чём не заподозрил.

Кажется, всё прошло спокойно, подсказок в комиссии не заметили или сделали вид, что не заметили. Сдала свою работу и тёмноволосая абитуриентка. Ольга Сергеевна взглянула на титульный лист — Ирма Мхитарян. Ну, так и есть: не наша, не уральская. Ольга Сергеевна собрала работы в стопку, чтобы отнести их в преподавательскую комнату. Проходя мимо парты, за которой сидела Ирма, заметила оставленную ручку — видимо, девушка забыла её. Безотчётно взяла ручку и положила в карман. Пока нессыла работы, думала, как помочь девушке, если окажется, что ошибки в диктанте все же есть. Полезла зачем-то в карман — и в руке оказалась взятая со стола ручка. Это был знак и подсказка одновременно: надо улучить минутку и пробежаться ещё раз, исправить ошибки, которые наверняка будут. Но как это сделать? Работы сейчас запрут в шкаф, да и преподаватели рядом будут. Ольга Сергеевна никогда не нарушала правил, не шла на подлог, не знала, как это делается. Ей казалось, что все только и будут смотреть на неё, подозревать в преступных намерениях и в самый решительный момент схватят за руку. Но «новичкам везёт» — с улыбкой вспоминала она позже, когда всё было позади. Помогли сами педагоги. Кто-то предложил отложить проверку работ и сходить в буфет — перекусить и отдохнуть. Значит, никого в преподавательской не будет, хотя бы в течение нескольких минут. Ольга Сергеевна плюхнулась на диван:

— Можно я здесь посижу, на диванчике? Что-то не по себе мне.

Она не слишком погрешила против истины, от волнения ей и впрямь стало немного нехорошо. А коллеги забеспокоились:

– Может, лучше врача вызвать? «Скорую»?

– Нет-нет, так со мной бывает. Сейчас пройдёт. Вы идите, идите. Я посижу.

Оглядываясь, преподаватели вышли. Посидев ещё минуты две, Ольга Сергеевна встала. «Так просто они не уйдут, – рассуждала Ольга Сергеевна, – приведут обязательно медсестру. Значит, у меня не больше пяти минут. Работы заперты, но это ерунда, что-нибудь придумаем». Она подошла к шкафу, взялась за ручку дверцы и внезапно вспомнила, как полгода назад нужно было срочно достать важный документ, а ключ куда-то запропастился. Тогда сама завуч слегка приподняла дверцу и потянула вправо – дверца открылась. Сейчас Ольга Сергеевна проделала то же самое. Вот она – стопка работ. Судорожно стала перелистывать, отыскивая нужную. Наконец, нашла. Надо сосредоточиться и в течение минуты-двух пробежаться. Вроде, ошибок нет, девчонка поняла её правильно. Ах, вот же, запятая! А здесь тире нужно! Так, исправим, а здесь аккуратно переделаем на «а». Ольга Сергеевна исправляла работу Ирмы её же ручкой. Всё, достаточно, пару незначительных ошибок надо оставить. Отличная работа не нужна, отличная вызовет подозрения. Ольга Сергеевна уже убрала, было, работы назад в шкаф, но тут словно вспомнила что-то, словно что-то увидела, за что зацепился взгляд. Конечно! Ещё оказалась одна южанка – Медея Вачнадзе. Что ж, этой тоже помочь надо. Когда Ольга Сергеевна мельком взглянула на часы, поняла, что прошли уже четыре минуты. Всё! Стопки лежат на прежнем месте, дверца в обратном порядке закрыта, Ольга Сергеевна плюхнулась на диван. В висках стучало, во рту пересохло – перенервничала, видно. Едва она успела отдохнуться, как вошли директор Маргарита Александровна с медсестрой. Директор сразу кинулась к ней.

– Что это вы, голубушка Ольга Сергеевна, пугаете нас? Леночка, посмотрите-ка!

Молоденькая медсестра принялась накачивать грушу тонометра, но у неё никак не получалось, дважды пришлось сбросить. Измерить удалось лишь с третьего раза.

– Посидите ещё, я сейчас, – сказала Лена и выскоцила из комнаты. Очень быстро вернулась со шприцем в руках. – Придётся уколоть Вас, Ольга Сергеевна, давление у Вас подскочило.

Домой Ольгу Сергеевну снова везло такси. А сама она по дороге пыталась понять, что же с ней происходит. В другой раз её мучили бы угрызения совести, она считала бы, что совершила нечто нечестное и постыдное. Она и сейчас понимала, что совершила подлог, но, странное дело, на душе было не только спокойно, но даже какое-то радостное чувство поселилось в ней. И чем дальше, тем радость эта становилась сильнее.

Дома она сразу легла и прикрыла глаза. Солнце передвинулось и уже не светило прямо в окна, и от этого становилось не так жарко. Шум в голове тоже постепенно проходил. Сейчас он отдалённо напоминал лёгкий плеск воды о берег. Он убаюкивал...

4

Ольга Сергеевна ступала босыми ногами берегом Камы и думала о другом береге; о том, что далеко, в который бьётся тёплое море. Берег там особенный. Всё восточное побережье Чёрного моря усыпано галькой, и только здесь песок. Она любила эту страну. Страну... Ольга Сергеевна усмехнулась. Вот она и сама мысленно уже называет этот край страной. Сейчас уже многие так говорят, хотя большая страна формально ещё одна. Но трещины распада шли далеко и проникали глубоко, в том числе и в сознание людей. Страну... Та, фактически отделившаяся страна, сама разделяется внутри себя – и всё по живому, всё с кровотечением. Вот и берег тот сейчас уже чужой. Берега, берега, что же вы – то, как братья, то врагами становитесь? Песчаный берег Чёрного моря. Ольга Сергеевна любила приезжать сюда в санаторий, а то и из Сухума каждый раз специально приезжала – просто, чтобы походить. Никому не говорила она, но именно здесь к ней чаще всего приходила та, которая великим поэтом так проникновенно была названа «гостьей с дудочкой в руках». Об этом своём недуге, как с улыбкой называла стихотворство Ольга Сергеевна, не знал никто – ни коллеги, ни друзья, ни родные. Ольга Сергеевна тщательно всё скрывала, но на черноморском берегу внезапно приходило:

У Ираклия в духане,
В том, куда мне вход заказан,
Распивали «Мукузани»
И подхватывали разом
Переливчатые песни...

Эти песни она любила с детства, к удивлению родителей, не отходила от радиоприёмника, когда их изредка передавали. А потом на это легла поэзия, Лермонтов. И поэтому первая встреча с Грузией была лёгкой и радостной, словно обе – и Ольга, и Грузия – ждали её. Когда она услышала, что грузины называют свою родину Сакартвело, то чуть не задохнулась от восторга – так понравилось ей слово. Весь день потом повторяла она про себя: «Сакартвело, Сакартвело».

Ольге тогда было четырнадцать, мама привезла её в санаторий в Цхалтубо. Пока девочка лечилась, мама снимала комнату, а в санатории с пониманием отнеслись к тому, что девочка часто ночует у матери. Там, во дворе дома, она познакомилась с двумя соседскими мальчиками – армянином Савелом и грузином Анзором. Парни учились в выпускном классе и к более молодой, к тому же болезненной и почти не оформившейся Оле относились по-рыцарски снисходительно, мол, мала ещё. А для Оли это было первое мужское внимание. Дома на Урале она записала в свою толстую общую тетрадь:

Надо снова ехать в горы,
Чтобы встретить в Сакартвело
Сероглазого Анзора,
Кареглазого Савела.

Записала, закрыла тетрадь и склеила обложки полоской бумаги, чтобы никто не раскрыл, не прочитал. Тетрадь же засунула глубоко в стол. А мама тетрадь нашла и прочитала, правда, потом так же аккуратно заклеила полоской бумаги, но однажды не удержалась – дала понять дочери, что кое-что ей известно. Будто ненароком спросила:

– Интересно, как там сероглазый Анзор и кареглазый Савел?

Оля вспыхнула, с болью, словно её, Олю, предали, взглянула на мать, но ничего не сказала. А тетрадь с той поры стала открывать ещё реже. Если стихи приходили, запоминала их. Сейчас та подростковая обида на маму казалась Ольге Сергеевне смешной. Уже несколько лет, как мамы не было, а толстая общая тетрадь – ещё не заполнена до конца. «Сероглазого Анзора, кареглазого Савела», – чуть слышно повторила Ольга Сергеевна. Где они – Анзор и Савел? Живы ли? А если живы, дружат ли по-прежнему или взяли автоматы и разошлись по разные стороны?

С недавнего времени Ольга Сергеевна не пропускала ни одной новостной передачи. А там всё чаще говорили о войне. Воевали армяне с азербайджанцами, воевали грузины с абхазами. Воевали друг с другом знакомые, соседи, а, может быть, и родственники. Ольга Сергеевна переживала за всех. А однажды особенно защемило сердце. Когда увидела на экране полуразрушенный знаменитый сухумский обезьяний питомник. В питомник, очевидно, попадали снаряды, которые и разрушили вольеры. И обитатели – обезьяны – сбивались в стайки, жались друг к другу от страха и были очень растеряны. Сейчас они ещё больше были похожи на людей. Как люди, потерявшие кровь, они разделились на небольшие группы. В каждой группе можно было видеть несколько обезьянок, совершенно подавленных происшедшим; кто-то из молодых пытался хорохориться, прыгал, повисал на обломанных сучьях, снова возвращался к стайке. А старики сидели, опустив головы и глядя куда-то вдаль. Могли ли они думать о прожитом и пережитом? Проплыvala ли перед их, обезьян, мысленным взором их жизнь – и их самих, и всего племени? Они были очень похожи на людей. Только о горестях своих не могли рассказать ни одному журналисту. А потом какой-то оператор дал крупный план. Он навёл камеру на самца, сидевшего в стороне от остальных. Тот поднял голову и долго-долго пристально смотрел в объектив. Очевидно, этот взгляд мудреца пронзил и самого оператора – камера дёрнулась, и оператор перевёл её на другой объект. Этот обезьяний взгляд и безмолвный обезьяний крик надолго выбили Ольгу Сергеевну из колеи – она с особенной остротой почувствовала ужас и безумие той войны.

По-русски Ирма говорила хорошо. И фразы правильно строила, и лексических ошибок не допускала. Впрочем, удивляться нечему – школу-то у себя в Абхазии окончила русскую. Но вот произношение... «Я буду питаться», – говорила Ирма, и не все понимали, что идёт речь не о намерении поесть, а о предстоящих попытках. Ирма видела это непонимание и поясняла: «Буду питаться выучить». Себя девушка не слышала. Как не слышала и своего предательски высекавшего фрикативного «дж», которого нет в русском. А ещё интонация: закавказские интонационные подъёмы

и спады никак не изживались. Ольга Сергеевна взяла над Ирмой шефство. Она придумала особый знак, «крючок» – согнутый указательный палец, который показывала девушке всякий раз, когда та произносила неверно. Если за день набиралось больше пяти крючков, Ирма оставалась после лекций и читала Ольге Сергеевне вслух что-нибудь из русской классики.

Когда, как она стала невольным опекуном этой армянской девушки из Абхазии, а вместе с ней и грузинки Медеи? Тогда ли, когда машинально положила в карман ручку, оставленную девушкой на парте, или когда пошла из-за обеих девушек к коменданту общежития? Медея была совершенно рыжей и совсем не тёмноглазой (такой тип встречается среди грузин), именно поэтому Ольга Сергеевна поначалу не признала в ней южанку. А когда узнала да при этом узнала, что поселили девушек в одной комнате, пошла к коменданту общежития и решительно ворвалась в каморку, которую сама комендант называла кабинетом.

Коменданта, полная женщина с нелепыми мелкими завитушками крашенных чуть ли не в жёлтый цвет волос, пила чай из голубенькой в розовые цветочки чашки, уставившись в одну точку. Она ложечкой брала из блюдца брусличное варенье, отправляла его в рот, на мгновенье застывала с вареньем во рту, затем клала ложечку прямо на стол, не глядя, брала в руку чашку, отхлёбывала чай, снова застывала, всё так же неотрывно глядя в одну точку. Этой точкой был телевизор, где внезапно потерявшую память бразильскую красавицу изводили недоброжелатели. Телевизор работал невыносимо громко, и Ольге Сергеевне приходилось перекрикивать его, но всё равно коменданта не слышала и продолжала глотать варенье, отхлёбывать чай и неотрывно глядеть в телевизор. Ольге Сергеевне пришлось стукнуть рукой по столу и крикнуть:

– Галина Степановна, почему Вы поселили этих девушек в одной комнате?
– Чё? Каких девушек? – коменданта с ненавистью посмотрела на Ольгу Сергеевну, так бесцеремонно перетащившую её, коменданта, из бразильской виллы в опостылевший кабинетик.
– Ирму Мхитарян и Медею Вачнадзе.
– А почему их нельзя вместе поселить? Что за цацы такие?
– Так одна из них из Абхазии, а другая грузинка.
– И что с того?
– Вы что, телевизор не смотрите, газет не читаете? Война там. Воюют одни с другими. А мы девочонок в одну комнату. Что, если они конфликтовать станут?
– Ох, надо мне о всяких «чурках» думать! Пусть спасибо скажут, что вообще их приняли, из войны вытащили, поселили в тепле и спокойствии. А то понадут, учатся, остаются здесь... Не знаю, не знаю, пусть директор прикажет, тогда расселю!
– Я и пойду к директору, – сказала Ольга Сергеевна и направилась к двери.
И, уже стоя в самом проёме, жёстко добавила:
– А что касается «чурок», то не худо бы Вам знать, что и грузины, и абхазы, и армяне очень древние народы, древнее нас.

Но этих слов Галина Степановна не слышала, она снова была в Бразилии и громко подсказывала ничего не помнившей героине, кто на самом деле её мать. А Ольга Сергеевна действительно оправилась к директору училища. Директор её доводы принял, и девушек расселили.

Всё это случилось летом. С осени же, как начались занятия, стала Ольга Сергеевна приглядываться к обеим девушкам. Тогда заметила, что девушки, хоть и не конфликтовали – во всяком случае, старались не конфликтовать и разговоров на большую тему избегали – но держались обособленно друг от друга. А тут почти одновременно пришли два страшных известия: у Ирмы погиб отец, а у Медеи – двоюродный брат. И девушки ещё больше закрылись друг от друга. Ольга Сергеевна, как могла, пыталась растопить ледяную стену, выстроенную девушками между собой. Получалось с трудом. Но Ольга Сергеевна всё больше привязывалась, прикипала душой к обеим девушкам. Правда, Ирма была как будто ближе, роднее. Однажды, весной уже было дело, занятия закончились, все студентки спешно покидали аудиторию, а, выходя, персонально прощались:

– До свидания, Ольга Сергеевна.
Ольга кому кивала, кому отвечала: «До свидания» – и снова склонялась над тетрадями. И тут заметила, что одна из девушек не вышла, а всё стояла у стола. Ольга Сергеевна подняла взгляд – перед ней стояла Ирма:
– Что случилось, Ирма? Что-то объяснить?

Совершено по-детски надув губы, девушка сказала:

– Вы мне не улыбнулись. Всегда улыбались, а сейчас – нет.

– Ах, ты, милая моя! – Ольга Сергеевна вскочила, обняла девушку, прижала её голову к своей груди, а Ирма, не отрывая головы, сказала:

– Вы же мне как тётя. Неужели Вы не узнаёте меня?

6

Мама Ирмы, Нора, приехала неожиданно. В самый разгар летних каникул. А всё потому, что на каникулы Ирма домой не поехала. На этом настояла Ольга Сергеевна. Она по-прежнему опасалась за жизни обеих девушек, но у Медеи в городе оказались родственники. У них, съехав из общежития после известия о гибели брата, и жила девушка. А вот Ирме податься было некуда. Общежитие на лето надо было освободить, тем более, что там собирались делать ремонт, и Ольга Сергеевна предложила Ирме переехать к ней. Девушка покраснела, смущаясь:

– Как я пойду к Вам? Я же стеснять Вас буду. И как я буду на Вашей шее?

– Ты же говорила, что я тебе как тётя? Вот и живи у меня, племянница. А, если считаешь, что сядешь мне на шею, то можешь поработать. Хочешь, устроим тебя няничкой в наш подшефный садик? Возьмут тебя с радостью. Основные нянички уйдут в отпуск, так что ты даже поможешь. Да и работать будет не тяжело: малышей-то на лето немного останется.

Ирма согласилась. Ольга Сергеевна сочинила письмо для родных Ирмы, мол, участвует девушка в интересном проекте, и ей необходимо летом заниматься. Выпросила у секретаря официальный бланк, кое-как настучала двумя пальцами на машинке и отнесла на подпись директору – как куратор группы.

Ольга Сергеевна не соврала. Ирма действительно участвовала в проекте, должна была участвовать. К концу учебного года училище оживлённо жужжало. Сюда зачастаила начальник областного управления образования, они часто запирались с директором и её заместителями в директорском кабинете, что-то обсуждали, выходили взбудораженные, раскрасневшиеся. И было от чего. Во-первых, училище переименовалось в колледж, и новомодный статус обязывал внедрять какие-то новшества. А, во-вторых, новшества эти неожиданно появились сами. В колледж приехала группа преподавателей из похожего колледжа в Англии, и они предложили обменяться студентами. То есть англичане присыпают одну студентку, чтобы та в течение полугода училась на Урале, сами же готовы принять у себя студентку российскую. Ирма к тому времени была уже одной из лучших студенток и могла претендовать на поездку. Но для этого надо было ещё заниматься и русским, и английским. Ольга Сергеевна решила, что займётся с девушкой русским, а с английским взялась помочь подруга и однокурсница Ольги Сергеевны, преподаватель университета.

Ирма и впрямь была одной из лучших. Особенно хорошее впечатление она произвела на поэтическом Лермонтовском празднике, который ежегодно устраивала Ольга Сергеевна. Она знала толк в таких делах. На этот раз весь праздник формировался вокруг кавказской темы. Ольга Сергеевна привлекла и Ирму, и Медею. Девушки увлеклись, тема была им родной и понятной. Поэтому и готовились серьёзно. А сам праздник был позже признан лучшим из всего, что организовала в свое время Ольга Сергеевна. Девушки не только хорошо прочитали стихи и прозаические отрывки, они ошеломили всех. Когда занавес открылся, зал ахнул. Договорившись только с Ольгой Сергеевной, девушки перед самым выступлением дополнили свою строгую, по контрасту подобранные одежду деталями национальных костюмов – армянского и грузинского. И оттого, что это были не сами костюмы, а лишь их детали, лишь намёк, девушки не выглядели ряжеными. Намёк создавал художественный образ. Из украшений на Ирме был только благородный бабушкин кулон.

А после выступления здесь же, в актовом зале, устроили чаепитие с тортом. Эту традицию установила тоже Ольга Сергеевна. Перед сценой ставился стол, девушки пили чай и обсуждали прошедшее выступление. Как заправский режиссёр, Ольга Сергеевна разбирала всё, что было на сцене, отмечала проколы и промашки, хвалила удачи. Никто не обижался на критику, все были увлечены, по сути дела, продолжением спектакля.

Но на этот раз Ольга Сергеевна с разбором не спешила. Она ласково смотрела на своих студенток и чему-то улыбалась. Затем, спохватившись, словно вынырнув из мечтательности, сказала:

— Сегодня вы, девчонки, превзошли самих себя. Только не думайте, что у меня нет замечаний. Просто сейчас говорить об этом не хочется. Разберём наш спектакль позже. А теперь будем пить чай и болтать о пустяках.

И девчонки защебетали. Только Ирма с Медеей, казалось, не вернулись ещё в зал, а были ещё на родине, в горах. Вскоре Ирма встала из-за стола и, подойдя к окну, упёрлась лбом в стекло. Так она и смотрела на улицу, пока к ней не подошла Ольга Сергеевна

— Какой красивый у тебя кулон. Откуда он? — спросила она и тут же осеклась. — Только не вздумай сейчас снять его с себя и отдать мне. Я же знаю ваши обычаи. Стоит похвалить вещь, вы тут же готовы с ней расстаться.

— Это бабушкин. Наш родовой. Он передаётся по женской линии. А Вам действительно нравится?

— Нравится, нравится, но ты и думать не смей!

Она даже схватила Ирму за руку, потому что девушка уже потянулась к цепочке, чтобы расстегнуть её. И отошла. А к Ирме подбежали однокурсницы, поздравляли её с хорошим выступлением, рассматривали кулон, восхищались. Потом все разбежались, осталась только Виктория. Она тоже претендовала на поездку в Англию, и на этой почве девушкам приходилось часто быть вместе, обсуждать какие-то вопросы, и они почти подружились. Девушки вышли из актового зала на балкон, и Ирма с восторгом говорила:

— Я так люблю Ольгу Сергеевну! Она мне как родная. Это она посоветовала мне поступать сюда, когда была у нас дома в Абхазии. И потом очень помогла. Без неё я бы не поступила.

— Как это «помогла»?

— Очень просто. Когда читала диктант, пальцем тыкала в места, где я ошибки делала. Я и поняла — всё исправила.

— Повезло тебе.

— И не говори. Я не знаю, как отблагодарить её. Наверное, кулон этот отдам. Он ей так понравился.

Девушки стояли спиной к стеклянной двери балкона и не видели за ней коменданта общежития Галину Степановну. Она пришла, чтобы забрать с собой свою племянницу Викторию.

И вот после всех этих важных и бурных событий приехала мама. Сколько же она с собой навезла! Фрукты, козинаки, чурчхели — всё, чтобы порадовать доченьку. И, конечно, чтобы отблагодарить добрых людей, помогавших Ирме. Остановилась мама тоже у Ольги Сергеевны. Весь вечер женщины говорили, вспоминали прежние времена, когда Ольга Сергеевна была у них в гостях, когда не было войны, когда бабушка Сиринуш готовила кофе для всех — для абхазов, армян, грузин, евреев, русских.

— А как сейчас дела у Григора? — поинтересовалась Ольга Сергеевна.

— Неважно. Разве можно спокойно сидеть в кофейне, когда стреляют? — Нора сказала это буднично, как говорят о привычных вещах. Потом помолчала и добавила:

— А мама моя, Сиринуш, совсем плохо ходит — ноги болят очень. Не знаю, сколько ещё протянет. Но кофе готовит.

Улеглись женщины поздно. А на следующий день Нора заставила дочь отвезти её в общежитие. Там Нора прямиком пошла к коменданту.

Галина Степановна только что выключила телевизор. Сериал завершился счастливо, и Галина Степановна была довольна. Потому и гостей встретила приветливо, без обычной раздражительности.

— Спасибо Вам, уважаемая, — сказала Нора. — За то, что девочку мою не обижаете, что живёт она здесь хорошо.

И выложила перед комендантом целую сумку гостинцев. Многое из угощения для Галины Степановны, не бывавшей никогда на юге, было в диковину, но тем интереснее казался подарок. Она, не переставая, улыбалась, кивала головой и приговаривала:

— Ну что Вы, что Вы. Замечательная у Вас дочка. И я к ней, как к дочке, отношусь. Столько бедняжке пережить пришлось!

При этом мелкие кудряшки Галины Степановны смешно подпрыгивали. Нора выпроводила дочь, а сама ещё некоторое время говорила с комендантом. Ирма так и не услышала, о чём они говорили. Впрочем, мать секрета не делала. Когда они с дочерью вышли на улицу, Нора сказала:

— Поживёшь пока у учительницы, а потом переедешь в общежитие. Совесть надо иметь. И так

для тебя она много сделала. Скоро одно крыло отремонтируют, и заселишься в свободную комнату. Я договорилась с комендантом. Хорошая, похоже, женщина. Понимающая.

Ирма только пожала плечами.

И всё же лето она провела у Ольги Сергеевны. Каждый раз, когда она входила в квартиру, её встречал в прихожей портрет Лермонтова. Лермонтов царил в квартире Ольги Сергеевны повсюду. Над письменным столом и в книжном шкафу два чёрно-белых портрета – вырезанные из журналов гравюры, на телевизоре небольшой металлический бюст. Для собраний сочинений поэта и книг о нём были выделены две отдельные полки. А в прихожей висел в золочёной раме портрет, написанный масляными красками. Портрет, а точнее, копию с известного портрета поэта сделал бывший одноклассник Ольги Сергеевны, сейчас известный в области художник. Сделал ещё студентом и подарил ко дню рождения. С тех пор и висел портрет в прихожей.

Ирма часто, войдя в квартиру, застывала перед ним, чувствовала, что для хозяйки квартиры это не просто портрет, а что именно – понять не могла. И тогда снова ей начинало казаться, что она здесь лишняя, что стесняет любимого педагога. Но и начать разговор о своём уходе не решалась, а уйти сразу, не предупредив, считала невозможным, справедливо полагая, что нанесёт Ольге Сергеевне горькую обиду.

Решилась начать такой разговор в один из вечеров, когда работала с Ольгой Сергеевной на кухне. Ольга Сергеевна чистила картошку. Поначалу Ирма бросилась, было, делать это сама, но Ольга Сергеевна её остановила:

– Куда тебе?! Пальцы ёщё почернеют, а ты молодая, тебе красивой быть надо. Лучше вон мясо через мясорубку пропусти.

Ирма подкладывала нарезанные куски в мясорубку, электродвигатель жужжал, фарш выдавливался в миску, и Ирма заговорила о своём уходе. Ольга Сергеевна не отвечала. Дождавшись, когда машинка замолкнет, она пристально посмотрела Ирме в глаза и спросила:

– Ирма, детка, ты замечала, что я часто подолгу задерживаюсь на работе?

– Да, видела.

– А зачем, ты не задумывалась? Зачем мне перепроверять давно проверенные ваши работы? Зачем сидеть с методичками, якобы составляя планы и конспекты уроков? Я эти конспекты наизусть знаю за столько-то лет! Я порой выхожу из колледжа едва ли не после последней уборщицы и плитаю, плитаю по улицам. Не спешу домой. Почему?

Ирма не отвечала и только пристально всматривалась в лицо Ольги Сергеевны, пытаясь в его выражении, во взгляде найти ответ. Ольга Сергеевна вытерла руки о передник, села рядом.

– А когда прихожу домой, – продолжила она, – кто меня встречает? Михаил Юрьевич с портрета глядит. Самый одинокий и не понятый до сих пор русский поэт. Я специально портрет в коридоре повесила, чтобы сразу два одиноких встречались. Так что оставайся, поживи у меня. Мне будет и приятно, и легче.

– А я боюсь оказаться назойливой, боюсь, что вдруг помешаю Вам. Вдруг кто-то придёт к Вам, – Ирма заметно покраснела. Восточное воспитание не позволяло сказать взрослому человеку, педагогу такое, но она пересилила себя и, покраснев ёщё больше, выдавила:

– Вдруг к Вам кто-то придёт. Неужели у Вас никого не было... никого нет? Вы такая красивая. И совсем не старая...

– Ай-ай-ай! – Ольга Сергеевна даже привстала, но улыбку скрыть не смогла. – Я тебе кто? Тётя, говоришь? А разве тёте такие вопросы задают? Ну, не смущайся, не смущайся. Давай закончим этот разговор. А ты всё же поживи здесь. До сентября.

Но съехать пришлось всё же раньше. Произошло событие, после которого оставаться в доме педагога было уже нельзя.

Перед самым началом учебного года с новой силой заговорили о предстоящей поездке одной из студенток за границу, к поездке оживлённо готовились, говорили о возможных кандидатах, но почти никто не сомневался, что единственным кандидатом станет Ирма Мхитарян. Её уже шёпотом (тыфулько, не слазить бы!) поздравляли, пытались представить, как она будет жить за границей. И тогда в кабинете директора появилась Галина Степановна.

— Вы меня извините, Маргарита Александровна, — начала она прямо с порога, — но что же это получается? Мы своих русских девочек отбрасываем, а за границу посылаем каких-то «чурок»?!

— Что Вы такое говорите, Галина Степановна?! Что за выражения?! Выражения-то выбирайте! — резко вскинула голову директор. — О чём Вы?

— Да всё об этой, из Абхазии! Об Мхитаряшке этой!

— Выбирайте выражения, Галина Степановна, ещё раз говорю. Что Вы имеете против девушки?

— Моя Виктория, наверное, не хуже. Так её и пошлите в Англию! Её, а не эту!

— Ах, вот Вы о чём! Во-первых, ничего ещё окончательно не решено. А, во-вторых, если угодно, Ирма Мхитарян — одна из лучших студенток и за границу вполне может поехать.

— Лучшая?! Да её вообще нельзя было принимать! Она в училище нечестным путём поступила!

А всё это наша неподкупная и принципиальная Ольга Сергеевна. Конечно! За старинный золотой кулон чего не сделаешь!

— Ничего не понимаю. Какой кулон? Почему нечестным путём?

— Кулон — старинный, золотой. Его девчонка нашей праведнице дала за то, что та работу подделала.

— Перестаньте сейчас же! Что за голословные обвинения?!

— Голословные? Да-а? А ну-ка...

Галина Степановна бросилась к двери и втащила в кабинет заплаканную племянницу.

— А ну, Вичка, рассказывай всё, как на духу! — прикрикнула она, подталкивая девушку к директорскому столу.

Та не поднимала глаз. Маргарита Александровна выдержала паузу и твёрдым голосом сказала:

— Я обязательно выслушаю Викторию. Прямо сейчас. Но только с глазу на глаз. А Вам, Галина Степановна, лучше успокоиться и пойти на своё рабочее место. С начала года у Вас много работы.

Та хмыкнула, пошла к двери, бормоча по дороге:

— Тоже мне гости с юга! Все они торгаши! Всё у них покупается и продаётся. Меня мамаша её тоже подкупить хотела, чтобы я местечко новенькое девчонке предоставила. Но я не из таких!

8

Дождь перестал, постепенно затихая редкими брызгами, словно иссяк. Он зарядил ещё с утра — мелкий, неприветливый. По наблюдениям Ольги Сергеевны, такой дождь не предвещал ничего хорошего. В дождь, особенно в такой ленивый и мглистый, ей не везло. Вот и сейчас она стояла у окна, смотрела на улицу сквозь серебристые крапинки на стекле и ждала, когда же состоится этот неприятный разговор с директором.

Что разговора не избежать, Ольга Сергеевна поняла сразу, как только секретарь быстрым шёпотом, торопясь, сбиваясь и задыхаясь, рассказала ей о ворвавшейся в директорский кабинет Галине Степановне, о словах комендантши, из которых она, Светлана, ничего не поняла. Разговора не избежать — Ольга Сергеевна это хорошо понимала. Но знала и другое: разговор этот состоится не сразу. Маргарита Александровна никогда в подобных случаях не шла по горячим следам. Она тянула время, выжидала, чтобы те, с которыми разговор предстоит, потеряли бдительность, решили, что пронесло, что директор, может, ничего и не знает. И лишь потом, в тот самый момент, когда провинившийся расслаблялся, она прижимала его. А, может, директор просто тщательнее продумывала свои действия.

На этот раз Маргарита Александровна не стала вызывать Ольгу Сергеевну к себе в кабинет, а сама поднялась к ней. Она вошла в класс, когда Ольга Сергеевна задумчиво водила пальцем по затуманенному стеклу — получались домик с одним окном и трубой (из трубы валил дым), забор, солнышко. Погода на этом недолговечном рисунке была приветливее, чем за окном.

«На преступление не идите никогда, против кого бы оно ни было направлено», — раз за разом повторяла про себя Ольга Сергеевна. Она по давней, студенческой ещё привычке дискутировала мысленно с произведением, которое читала. Книга лежала дома на журнальном столике, а Ольга Сергеевна, глядя на мокрые улицы, спешащих под зонтами прохожих, пыталась понять, а главное — почувствовать правоту персонажа. И понимала, что не может. Не может определиться, не может чётко сказать себе: вот это — белое, а это — чёрное, не получается у неё сбалансировать что-то в душе.

Маргарита Александровна стояла в дверях и тяжело дышала — в последнее время ей всё труднее давались подъёмы по лестнице, мучила одышка, стучало в висках. В классе она прошла мимо пре-

подавательского стола и опустилась на стул за партой. Ей тяжело было упрятать под парту свои отёчные ноги, и она сидела, повернувшись к проходу и к стоявшей у окна Ольге Сергеевне.

– Ну, что, Ольга Сергеевна? Я бы хотела всё услышать от Вас, – странное дело: в голосе директора не было привычного металла. – Наверное, нет надобности объяснять, что именно хочу я услышать от Вас?

– Конечно, не надо объяснять. Юлить не стану. Я действительно помогла тогда Ирме Мхитарян.

– Правильнее было бы сказать: подделали работу.

– Подправила. Незначительно. И не только Ирме.

– Вы понимаете, в чём Вы сознаётесь, Ольга Сергеевна? В том, что совершили подлог. Преступление.

– На преступление не идите никогда, против кого бы оно ни было направлено – да? Наверное, так. А что если это преступление отвело от двух девушек смерть? Мне надо будет написать заявление об уходе?

– Перестаньте! На Вашем уходе я не настаиваю. Да и лишние скандалы колледжу не нужны. Думаю, я смогу замять дело в управлении. Но меня, Ольга Сергеевна, беспокоит другое: могу ли я верить в нынешние успехи Ирмы Мхитарян, если тогда был, по сути дела, подлог?

– Можете верить совершенно. Да не только верить – и проверить можете. Вы проверьте её. Создайте комиссию, пусть прогонят девочку по всему материалу. Если надо, я вообще в этот день не появлюсь в колледже. Для чистоты эксперимента.

– Ну, будет, будет – не сердитесь. До этого мы доводить, конечно, не станем. К тому же девочка, как мне известно, успевает не только по Вашему предмету. Не могут же все педагоги у нас быть в сговоре? – улыбнулась Маргарита Александровна. А потом продолжила:

– Проверки мы устраивать не станем. Но и зарубежной поездки не будет.

– Но это несправедливо – Ирма достойна.

– У нас многие достойны. А Ирма? Ирма сама отказалась от поездки.

– Как сама?

– Вот так. Пришла ко мне в кабинет и заявила: если по её, Ирмы, вине на Ольгу Сергеевну – на Вас, то есть – свалилось столько неприятностей, то она отказывается от поездки. И даже готова вообще документы забрать и уйти из колледжа.

– Уйти? Надеюсь, Вы не отдали ей документы? Отговорили от глупости?

– Конечно, не отдала. Хорошие студентки нам нужны.

– Кто же теперь поедет?

– Да никто и не поедет. Кстати, Вика тоже сама отказалась. Да и не нужно это нам. Сейчас, конечно, все расстроятся, но со временем поймут, что ничего хорошего из этой затеи не получилось бы. А скандалу я не дам разрастись.

– А Галина Степановна? С ней что станете делать? Ведь она не успокоится! Будет кричать на каждом углу, как она всех на чистую воду вывела, начнет добиваться справедливости.

– Думаю, не станет. У каждого коменданта общежития есть то, о чём он предпочитает помалкивать. И очень не хочет, чтобы начальство напоминало ему об этом.

Маргарита Александровна тяжело поднялась из-за парты.

– А, знаете, ко мне и эта грузиночка, Медея, приходила, – сказала она. – Эмоциональная девочка. Плакала и возмущалась одновременно. Доказывала, что это не она наябедничала. Оказывается, кто-то из наших доброжелателей сказал девочке, что её подозревают в научничестве. Мол, мстит она Ирме за погибшего брата. Кошмар. С трудом её успокоила. В какое страшное время приходится нам жить. Потом внимательно посмотрела на Ольгу Сергеевну и сказала:

– Хороших девочек Вы воспитали. Порядочных.

– Да разве это я? – возразила Ольга Сергеевна. – Это, наверное, у них в крови. Я лишь не позволяю этому уgasнуть.

Директор вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь. А Ольга Сергеевна вернулась к окну. Она старалась не думать ни об ужасном, как сказала директор, времени, ни о том, куда всё ещё может зайти. Она смотрела на улицу. Дождь снова начинал мелко сыпать, покрывая мурашками стекло снаружи, но на нём всё еще можно было разглядеть домик с одним окном и трубой, забором и солнышком над ними.